

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ДРЕВНЕЙШЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ ОЛЕНЕВОДСТВЕ

Археология имеет довольно большое количество фактов, которые истолковываются рядом исследователей как факты, доказывающие глубокую древность оленеводства, причем многие из них относятся к очень отдаленным временам — вплоть до палеолита. Но по тем или иным причинам все эти факты спорны, и до сих пор ни один из них не является твердо установленным и безоговорочно принятым наукой. Однако новые, ежегодно прибывающие материалы позволяют все с большей и большей точностью определять время и место зарождения оленеводства. Такое, как нам кажется, уже бесспорное доказательство удалось, наконец, приобрести в результате работ Хакасской археологической экспедиции летом 1950 г.¹ Объектом работы экспедиции был избран Сырский чаа-тас, который никем ранее не был исследован. Могильник этот расположен в Аскызском районе Хакасской А. О., по левому берегу р. Малый Сыр. Он находится на возвышенном безлесном плато у невысоких гор в одном километре к северо-востоку от колхозного улуса Малые Сыры (колхоз «Хызыл Хакас»).

Выбор этого чаа-таса вызван особым интересом к изучению памятников, расположенных на границе степи и тайги, с целью выявления хозяйственной, культурной и, быть может, этнической разницы таежных и степных племен. Сырский чаа-тас как раз находится в пограничном районе между горно-таежной зоной (отроги Кузнецкого Ала-тау) и последними «заливами» хакасских степей в горные котловины. Сразу же к западу от чаа-таса начинается тайга, к востоку — степь.

Не имея возможности в настоящей работе касаться общих итогов раскопок, оценке которых посвящается особая статья, остановимся на некоторых находках, обнаруженных нами в раскопанном склепе № 1 — коллективном погребении знати, относящемся к таштыкской эпохе (I в. до н. э. — IV в. н. э.). Это самый интересный памятник из исследованных экспедицией на Сырском чаа-тасе. Изучение инвентаря погребений Сырского таштыкского склепа № 1 позволило уточнить его датировку и отнести его к первому или второму векам нашей эры. Общее устройство склепа в основном такое же, как устройство склепов Уйбатского чаа-таса, раскопанных Саяно-Алтайской археологической экспедицией в 1936 и 1938 гг.²

¹ Экспедиция была организована Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории совместно с кафедрой археологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

² См. С. В. Киселев, Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г., ВДИ, 1937, № 1, стр. 247—250; его же, Хакасская автономная область, 1936. Сборн. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 306—308; его же, Саяно-Алтайская экспедиция в 1938 г., ВДИ, 1939, № 1, стр. 252—256; его же, Древняя история Южной Сибири, 2-е изд., М., 1951, стр. 420, табл. 35; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК и ГИМ, «Краткие сообщения ИИМК», вып. III, 1940, стр. 39—42.

Внешне склеп был обозначен еле заметной плоской подквадратной насыпью 14×14 м, с двумя вертикально установленными плитами на месте входа. Раскопки выявили сильно обожженную бревенчатую погребальную камеру с выходом — дромосом. Площадь ее 62 м^2 . Весь пол этой камеры, выстланный берестой, коридор входа и пространство между бревнами стен (сложенными клеткой, а не срубом) оказались заполненными костными остатками пережженных трупов людей (всего около 120 погребений). Богатый, многочисленный и очень разнообразный инвентарь, обнаруженный у каждой кучки пережженных костей, свидетельствует о том, что это склеп аристократической верхушки «таштыкского» общества.

Среди самых разнообразных вещей найдены сравнительно в большом количестве предметы изобразительного искусства, в числе которых центральное место занимают деревянные статуи домашних животных или их обломки. В склепе найдены обугленные части шести статуй коней, случайно уцелевшие от огня при окончательном сожжении бревенчатой камеры склепа перед его засыпкой. Это главным образом конские ноги и их фрагменты.

Так, например, нами найдена целая передняя нога статуи лошади (рис. 1), несколько деформированная (сплюснута в нижней части бревном, лежавшим сверху). Она имеет копыто (первоначально, очевидно, округлое), вырез сзади, обозначающий щетку, и сверху шип для вставления в туловище статуи. Очень хорошо сохранилась, что важно, красная краска, покрывавшая всю ногу. Длина ноги без шипа 22,5 см. Отсюда следует, как мы убеждаемся ниже на примере оленьих статуй, что высота всей статуи коня была около 45 см, при длине в 65 см. Это уже не статуэтка типа найденных в таштыкских склепах Уйбата³.

Ценнейшим приобретением Хакасской экспедиции 1950 г. являются уникальные статуи верховых оленей — древнейшее доказательство оленеводства. Оленьи статуи, за исключением ног, вырезаны из целых обрубков кедра. Ноги же вырезаны из отдельных кусков дерева и имеют сверху шипы, которые вставлялись в выдолбленные пазы в туловищах статуй. Олени вырезаны очень искусно, с передачей всех характерных черт, присущих северному оленю (*Rangifer tarandus sibiricus*)⁴.

Животные имеют ноги с парными копытцами, на которых показаны также по паре задних копытцев, характерный зад, отвисший, показанный резьбой подгрудок и типичные оленьи головы (рис. 2, а и рис. 4). Самые кончики морд (губы), к сожалению, не сохранились ни у одной из статуй, но все остальное, несмотря на полную обуг-

Рис. 1. Передняя нога статуи лошади

³ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, 2-е изд., М., 1951, стр. 441—442 и табл. XXXVI на стр. 425, рис. 9.

⁴ Наше определение, сделанное еще на месте, подтвердили проф. А. Н. Формозов и доктор биологических наук В. И. Цалкин, осмотревшие статуи после реставрации, за что приносим им глубокую благодарность. Первое упоминание в печати о находке оленьих статуй см. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 442.

ленность, сохранилось довольно хорошо. Отсутствуют уши, рога и хвосты, так как они были вставными и отгорели, но для них есть маленькие выдолбленные четырехугольные отверстия⁵. Лишь у одной статуи, у самки оленя (рис. 2, б) не было правой задней и левой передней сгорев-

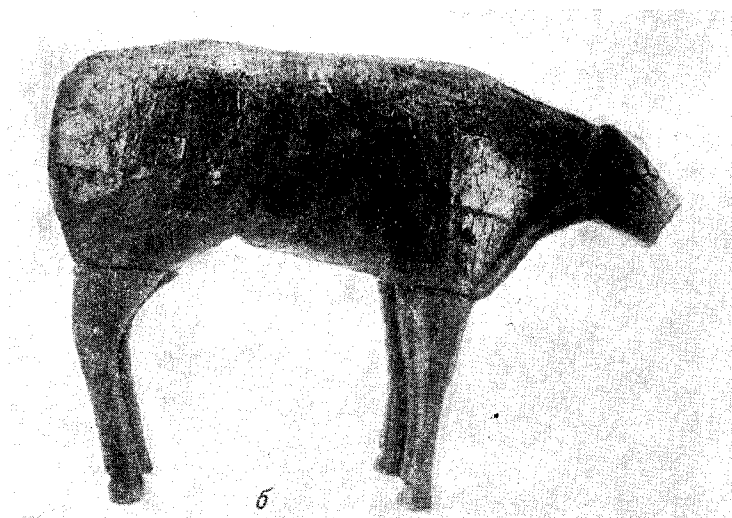
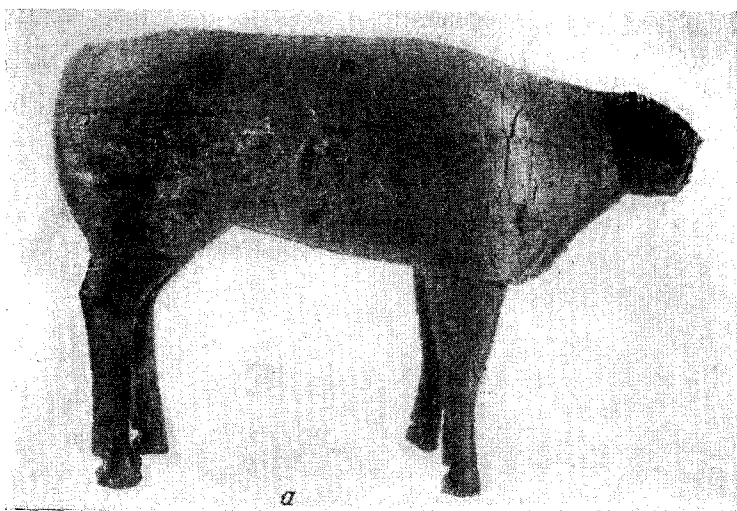

Рис. 2. Статуи оленей: а — быка; б — самки (важенки)

ших ног, которые были восстановлены при реставрации. Самым значительным является то, что на мордах оленей вырезаны узды с набором круглых бляшек, что с несомненностью доказывает одомашненность оленей и транспортное назначение их под верховую езду. Сохран-

⁵ Рога и уши были, вероятно, кожаными, а хвост — из меха, так как в отверстиях сохранились обгоревшие частицы, напоминающие пережженную кожу. Статуи, как и все коллекции экспедиции, переданы на хранение в Хакасский областной музей краеведения в г. Абакане.

ность статуй настолько хорошая, что прекрасно видна, несмотря на полное обугливание, яркая красная краска, которой были окрашены обе фигуры животных (вероятно, киноварь). Поверхность статуй перед покраской была хорошо заполирована. Длина статуй: самца (рис. 2, а) — 66 см, самки (рис. 2, б) — 64 см. Высота (соответственно) — 46 и 45 см. Длина ног — 21,5; 22 см (без шипов). Удалось установить, что, помимо ножа (а первоначально, конечно, топора и тесла), при изготовлении статуй употреблялась узкая, длинная стамеска шириной 11 мм и в длину больше 8 см. Ею выбивались прямоугольные пазы для вставления шипов ног (рис. 3) глубиной 8 см. Отверстия для ушей, рогов и хвостов выдалбливались, вероятно, концом ножа.

Рис. 3. Пазы для вставления ног статуи оленя-быка (вид снизу)

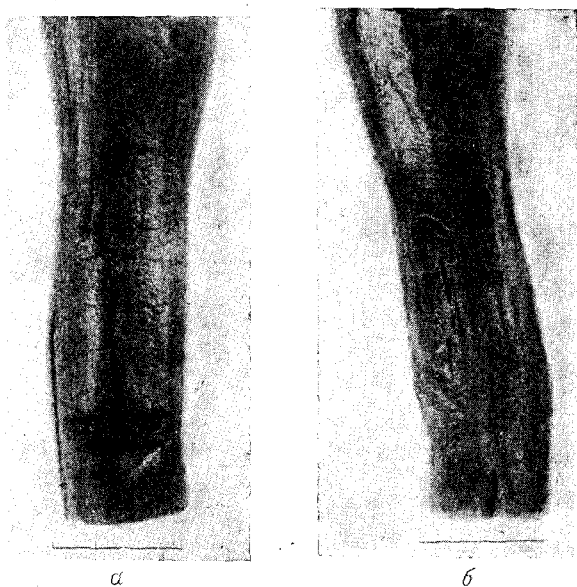

Рис. 4. Правая передняя нога статуи самца:
а — вид сзади, б — вид спереди;

Здесь необходимо оговориться. Одна статуя имеет лишь два отверстия для ушей, а для рогов на хорошо сохранившейся голове ее отверстий нет. Поэтому мы считаем эту статую изображением важеники, самки северного оленя, тем более, что она чуть меньше в размерах, формы ее переданы более облегченными и, главное, морда уже и меньше, чем у другой статуи. А между тем их вырезал, видимо, один мастер, судя по всем их деталям и технике резьбы, и для одного погребения (найденны они рядом лежащими на боку в разные стороны головами; первоначально, очевидно, стояли). Другая статуя изображает оленя-

быка. Она имеет отверстия и для ушей, и для рогов. Отверстия эти сохранились, несмотря на то, что левая половина головы сильно обгорела (рис. 5, б). Кроме отверстия, рога переданы еще особыми выступами сверху лба обозначающими костные пеньки рогов (рис. 5, а). Бык изображен более плотным и мускулистым, морда его массивнее и больше по размерам. В основном же статуи являются высоко реалистичной передачей в дереве северных оленей, но особой саянской породы (см. реконструкцию, рис. 6). Изображены рослые, крепкие с мощным корпусом животные, с некоторой понуростью морд, которая, кстати, свойственна только северному оленю, так как благородный олень носит голову высоко.

И в настоящее время оленеводство известно в Алтае-Саянском нагорье. По Восточному Саяну и его отрогам, по соседству с Хакассией, оленеводством занимаются карагасы⁶. К югу от них, по ту сторону

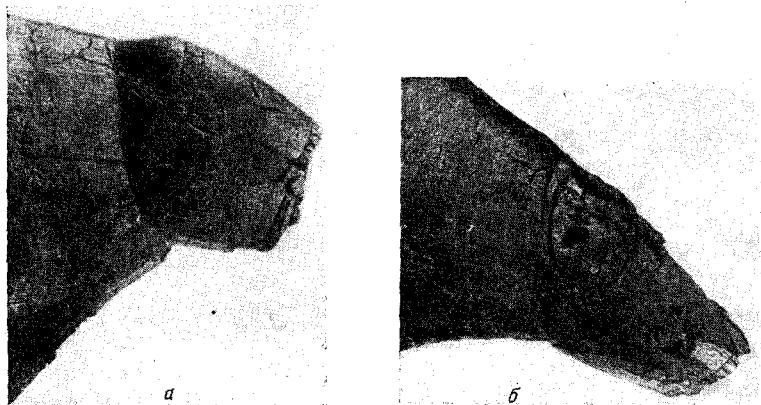

Рис. 5. Голова статуи оленя-быка: на рис. а видна уздечка, на рис. б — отверстие для вставного рога

Саян, домашних оленей держат оленные тувинцы Тоджинского хошуна⁷. Еще в недавнем прошлом к северо-западу от карагасов по рекам Мане и Кану, оленеводством занимались ныне обрусевшие камасинцы⁸. Алтайцы и хакасы оленеводством не занимаются. Однако есть данные, говорящие о том, что в XVIII в. одно из хакасских племен, а именно койбалы, еще имели домашних оленей. Правда, речь идет о койбалах, живущих на восточном берегу Енисея, т. е. в подтаежных местах⁹. Но и этот факт говорит о многом.

Во множестве обитает в настоящее время в Саянах и дикий северный олень. Известен он также в Хакассии, особенно в верховьях рек

⁶ С. Керцелли, Карагасский олень и его хозяйственное значение, «Северная Азия», кн. 3, 1925, стр. 87—92. См. также [Штубендорф] О карагасах, Этнографический сборник, Изд. Русск. географ. об-ва, вып. IV, СПб., 1858, стр. 1—18; В. Н. Васильев, Краткий очерк быта карагасов, «Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2, стр. 51 и 67.

⁷ П. Е. Островских, Оленные тувинцы, «Северная Азия», 1927, № 5—6, стр. 79—94. Ср. Д. Каррутерс, Неведомая Монголия, т. I, Урянхайский край, П., 1914.

⁸ А. Я. Тугаринов, Последние калмажи, М., 1926.

⁹ Карл Риттер, «Географическое распространение верблюда в Старом свете», «Магазин земледения и путешествий. Географический сборник, изд. Н. Фроловым», т. III, СПб., 1854, стр. 263, ссылается на P. Pallas, Russisches Reich, т. III, стр. 376. Об этом же упоминает А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири, ч. III, СПб., 1877, стр. 561).

Черного и Белого Июсов¹⁰. На Алтае, по литературным сведениям, северный олень исчез в начале нашего столетия. Последние сведения о нем относятся к 1901 г.¹¹ Но, по последним данным, несколько особей его живет на территории Алтайского заповедника и по сей день¹². Таковы сведения о северном олене Саяно-Алтайского района в настоящем.

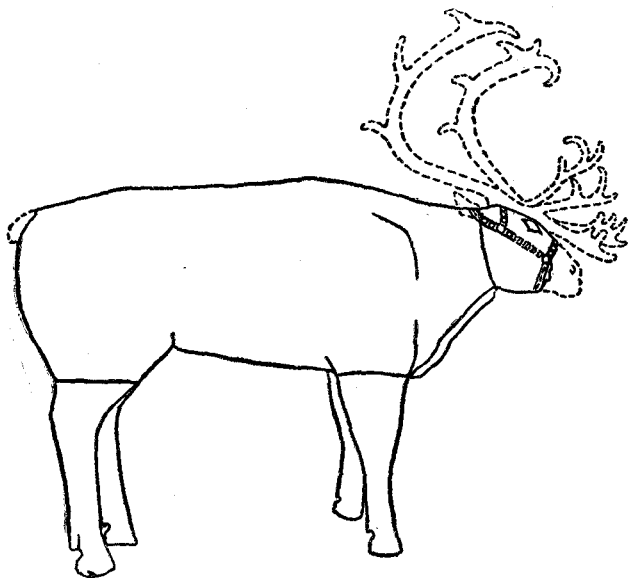

Рис. 6. Первоначальный вид статуи оленя-быка (реконструкция)

Важно отметить и то обстоятельство, что карагасы и тувинцы, как в прошлом камасинцы и койбалы, ездят на олене только верхом и совершенно не знают оленьей санной упряжки, которая распространена столь широко у северных оленеводов. Это понятно, если учесть горнотазежный ландшафт Саянского района. Но вместе с тем это находит ныне и историческое объяснение. В самом деле, аккуратное воспроизведение на статуях двух совершенно одинаковых узд, вернее оленьих недоуздов (так как удил у них не было, не изображены совсем ременные отводы к ним — см. рис. 5, а и 7), свидетельствуют о том, что таштыкские художники стремились к точной передаче натуры и изображением уздечек подчеркивали хозяйственное назначение оленей под верховую езду.

Таким образом, наши находки, не являясь большой неожиданностью для районов Южной Сибири, в то же время поражают доказательством столь глубокой древности оленеводства в этих местах. Теперь становится ясным, что в таштыкскую эпоху племена, проникшие в горнотазежные районы Кузнецкого Ала-тау и его отрогов, имели домашних оленей, которые стали уже привычными, а вместе с тем и надежными, верховыми и вьючными животными. Это подтверждается и особой, именно оленьей, формой узды, выработанной в течение времени. Ни позже, ни в те времена конских узд такого типа не было. Чем отличаются узды, столь искусно вырезанные на мордах оленьих статуй, от существовавших в гунно-сарматское время конских узд? Прежде всего

¹⁰ «Труды Енисейского губернского лесного отдела», т. I, вып. 2. «Материалы к познанию охотничьего дела Енисейской губернии», Красноярск, 1925, стр. 16.

¹¹ «Советское оленеводство», вып. 9, Л., 1937, стр. 65.

¹² А. А. Машковцев, Саянский дикий реликтовый северный олень, ДАН СССР, т. XXVII, № 1, М., 1940, стр. 78—80.

отсутствием удила и главным образом тем, что у конских узд всегда, и в те времена и позже, обязателен подшейный ремень (так называемый подбородник), а у оленьих уздечек его нет. Далее, у оленьих узд налоб-

Рис. 7. Голова статуи самки: а — в профиль; б — в три четверти

ный поперечный ремень соединен с ремнем, охватывающим переносье. И этого не бывало у конских узд. Чтобы во всем этом убедиться, достаточно просмотреть изображения верховых коней, относящиеся к гунно-сарматскому времени. Например, это четко видно на знаменитых золотых бляхах сибирского собрания Государственного Эрмитажа¹³. Это узды наиболее распространенного типа, хорошо изученного в натуре по находкам в Пазырыкских курганах Алтая¹⁴, о которых исследовавший их М. П. Грязнов счел возможным писать следующее: «Седла и уздечки Пазырыкского кургана принадлежат к сложившимся типам, просуществовавшим на протяжении целого тысячелетия (узды с V в. до н. э. по VI в. н. э., вероятно, также и седло)»¹⁵. Такую же форму узды для более раннего майэмирского времени (V—IV в. до н. э.) реконструирует и С. В. Киселев¹⁶.

Впрочем, надо сказать, что в настоящее время уздечек такого типа никакой из современных оленеводческих народов не применяет. Многовековой опыт привел оленеводов к разумному упрощению оленьей узды до степени недоуздки в виде петли с завязками¹⁷. В раннетащтыкское же время такая форма уздечки, какая изображена на оленьих статуях, была выработана предшествующим развитием и являлась специфической формой оленьей узды¹⁸. Это обстоятельство заставляет полагать,

¹³ И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, СПб., 1890, рис. 69—71; ср. иранскую узду (там же, рис. 84). Ближе к оленьим узды верблюда, но она, не имея подшейного ремня, не имеет и налобного (там же, рис. 97 на стр. 92).

¹⁴ М. П. Грязнов, Первый Пазырыкский курган, Л., 1950, стр. 55, рис. 20 и рис. 6—9, 11—15, 17, 21 и др.

¹⁵ Там же, стр. 58. Точно такие же узды с круглыми бляхами на перекрестьях ремней у квадриги золотой модели колесницы из Аму-Дарьинского клада, см. O. M. Dalton, The Treasure of the Oxus, 2 ed., London, 1926, табл. IV.

¹⁶ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 297, табл. XXVIII, рис. 18.

¹⁷ См. «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 67.

¹⁸ Хорошим подтверждением различия оленьих узд от конских для того времени служит тот факт, что такие же узды, как и у наших оленей, были только у быков. Например, известны ханьские терракотовые статуэтки быков с уздами, имеющими продольный ремень, соединяющий поперечные на лбу. У этих узд также не имеется подбородника и на стыках ремней расположены такие же круглые бляшки (см. O. Sirén, Histoire des arts anciens de la Chine, II, L'époque Han et les six dynasties, Paris et Bruxelles, 1929, табл. 74, рис. С).

что одомашнивание оленя произошло в Хакасии в гораздо более раннее время. Мы имеем и другие факты, подтверждающие такую мысль.

Необходимо, далее, отметить, что, судя по уздечкам, обильно украшенным набором круглых, вероятно, блестящих бляшек (на стыках ремней бляшки были больше других), оленей любили и украшали не менее лошадей. Вероятно, каждому свое: таежники и охотники ценили оленя так же, как степняки и скотоводы ценили коня. В этом смысле пограничный «таежно-степной» Сырский склеп дает нам примеры и того и другого.

В степи олень жить не может. Только в горной тайге имеется основная его пища — мох. Поэтому нет ничего удивительного в том, что археологи, изучавшие свыше ста лет древности степной зоны Хакасии, не нашли до сих пор никаких следов оленеводства. А такие следы все же были, и сохранили их наскальные рисунки древних обитателей этой области: во-первых, стадо оленей, которое гонит пастух с лошастью по направлению к поселку, изображенное на Боярской писанице¹⁹. Совсем напрасно издавший эту писаницу М. П. Грязнов сомневался в реальности оленьего стада. Боярская писаница датируется первыми веками до нашей эры и, следовательно, не на много старше Сырского склепа²⁰. Второй пример — несправедливо забытые рисунки писаниц, сделанные Титовым в 1850 г. и изданные Г. Спасским. Среди них есть очень ценные для нас изображения.

Майдашинская писаница (правый берег Енисея, в 7 км ниже г. Минусинска). «Группы верхнего отдела, № 1, представляют как будто перекочевку... где разные домашние животные, как-то: верблюды, лошади, козлы и олени, все идут в одну сторону, в которую направлена и телега, везомая одною лошастью»²¹.

Тепсейская писаница (левый берег Енисея, против устья р. Тубы, на горе Тепсей). На рис. 4 изображена замечательная сцена: верхом на олене едет рысью человек с луком в руках и гонит перед собой стадо из трех быков; здесь же какая-то личина²². Мастерская передача оленьего корпуса и двух ветвистых рогов на голове животного с несомненностью доказывает, что всадник едет верхом на олене²³. Очевидно, здесь изображена сцена грабительского угона быков у жителей степей каким-то охотником-таежником (рис. 8)²⁴. Сцена датируется тем же переходным тагарско-таштыкским временем, что и Боярская писаница.

Оглахтинская писаница (левый берег Енисея, ниже устья р. Тубы, гора Оглахты). Имеется «...изображение ...какого-то божества с трезубчатой короною на голове и держащего в каждой руке по человеку, упершемуся ногами в его бок. Этот великан покоится на головах двух стоящих под ним оленей»²⁵. Рисунок этот весьма важен, ибо он доказывает ту большую роль, которая отводилась оленю и в ритуально-мифотворческих сюжетах. Спасский прав — центральная фигура, стоящая на головах двух оленей, божество. Об этом говорит ее трехрогий головной убор, значение которого мы имели случай разбирать в

¹⁹ М. П. Грязнов, Боярская писаница, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8, стр. 41.

²⁰ Там же, стр. 45.

²¹ Г. Спасский, О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. Записки Русск. геогр. об-ва, кн. XII, СПб., 1857, стр. 147 и табл. IV, рис. 1 — вверху слева.

²² Там же, табл. 4, рис. 4 — справа вверху.

²³ Олени с точно такими же рогами широко известны на писаницах Енисея (см., например, Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 451, LVI—27, 28, рис. 4; особенно стр. 455, LVI—35; стр. 461, LVI—45, рис. 3 и др.).

²⁴ Эта писаница переиздана (J. R. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, Helsingfors, 1877, стр. 76).

²⁵ Г. Спасский, Указ. раб., стр. 149, табл. IV, рис. 2 — слева внизу.

специальной работе²⁶. Но и маленькие фигурки, слитые с центральной, очевидно, тоже боги. Таким образом, изображено три бога, а вокруг них двумя чертами показано небо²⁷. Может быть, домашним является олень с Потрошиловской писанины, где изображена сцена его заклания (рис. 9). Высокий человек свалил за рога одной рукой оленя на колени

Рис. 8. Писаница на горе Тепсей

Рис. 9. Сцена заклания оленя с Потрошиловской писанины

и, замахнувшись другой, видимо, хочет поразить животное каким-то оружием²⁸.

Таковы факты, которые вместе с ныне найденными статуями доказывают бесспорность наличия оленеводства в горно-таежных районах Хакассии в тагарско-таштыкское время. Такая древность оленеводства в Саяно-Алтае объясняет теперь и удивительные качества саянского оленя, выработанные тысячелетиями. Их отмечают все зоологи, занимавшиеся оленями карагасов и тувинцев. Во-первых, все северные олени слабы для верховой езды — седло у них кладется только на передние лопатки, а не на спину, которая легко переламывается под седоком. На карагасского же оленя садятся, как на лошадь, в седло, положенное на спину, и даже употребляют стремена. «Карагасские олени значительно отличаются как от тунгузских, так и северных тундряных, значительно большим ростом и силою»²⁹, — пишет специалист по оленеводству С. Керцелли. — «Кроме того карагасский олень действительно является вполне одомашненным животным, чего нельзя сказать о большинстве других»³⁰. Последнее обстоятельство особенно важно. То же самое характеризует и тувинского оленя, который одного вида с карагасским и имеет одно с ним происхождение. Так, некоторые авторы сообщают, что тувинские «олени не уступают по росту тофаларским (т. е. карагасским. — Л. К.)»³¹ и что на тувинском олене «легко делаются переходы через горы до 70 верст в день»³².

Итак, саянский олень, особая порода северного оленя, отличающаяся исключительной выносливостью и работоспособностью, свободно выдерживающая конкуренцию с конем, является вместе с тем домашней породой древнейшего происхождения. Следует отметить в этой связи еще один поразительный факт. Общеизвестно, что у северных оленей самцы и самки имеют рога. Исключением здесь является снова саянский олень. Лишь недавно А. А. Машковцев доказал, что у саянского оленя очень много комолых самок и что это присуще только ему³³. Любопытно, что

²⁶ Л. Р. Кызласов, К истории шаманских верований на Алтае, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXIX, 1949, стр. 48—54.

²⁷ В 1885 г. этот же рисунок снимал И. В. Савенков, который также считал центральную фигуру божеством (И. В. Савенков, К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея, «Известия Вост.-Сиб. отдела Русск. географ. об-ва», т. XVII, № 3—4, стр. 65, примечание).

²⁸ Г. Спасский, Указ. раб., табл. IV, рис. 1 — справа внизу.

²⁹ С. Керцелли, Карагасский олень и его хозяйственное значение, стр. 89.

³⁰ Там же, стр. 91 (разрядка моя. — Л. К.); см. также М. П. Виноградов, Экстерьер тофаларских и сойотских оленей, «Советское оленеводство», вып. 6, Л., 1936, стр. 73.

³¹ М. П. Виноградов, Указ. раб., стр. 77.

³² М. И. Скабеев, Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности, «Северная Азия», кн. 5—6, 1925, стр. 116.

³³ А. А. Машковцев, Саянский дикий реликтовый северный олень, стр. 78—80.

и еще один автор, исследуя череп самки северного оленя, найденный на Алтае, констатировал «почти полное отсутствие не только рогов, но даже костных пеньков»³⁴.

Таким образом, одна из наших статуй, изображающая безрогую самку, становится важным свидетельством того, что уже около двух тысяч лет назад и, очевидно, ранее саянскому оленю была действительно присуща комолость самок. К этому можно прибавить, что наскальные рисунки тагарской эпохи очень часто имеют изображения именно безрогих самок оленя³⁵. Отметим, что в Сырском склепе найдена еще одна нога от третьей оленьей статуи с вырезом парного копыта спереди. Нога, видимо, принадлежала еще большей по размеру статуе — она длинна и тонка.

То основное, что хочется подчеркнуть при анализе материалов, которые добыты Хакасской экспедицией в Сырском склепе, — это культурное взаимодействие «таштыкцев» с Китаем эпохи старшей династии Хань (206—6 гг. до н. э.) не только в творчестве и формах материальной культуры, но и в погребальном обряде.

Как известно, в Китае «в древности существовал обычай захоронения с знатным покойником его жен, рабов, жертвенных животных, но с эпохи Хань в могилы стали класть глиняные изображения предметов и лиц, его окружавших. В этой малой пластике, стремившейся к точному воспроизведению действительности, чувствуется непосредственное наблюдение природы. Часто встречаются здесь фигурки домашних животных (собак, лошадей); находили и человеческие изображения»³⁶. И вот почти тот же самый обряд мы видим именно в склепах таштыкской знати, которая подражала китайской аристократии. Влияние ханьского Китая передавалось через хуннов, которые в известные периоды владели «землей Хакас»; отсюда мы наблюдаем много сходств и с материальной культурой хуннов и с их творческими приемами³⁷. Новый обряд, возникший в ханьском Китае, на Енисее попал на подготовленную почву, ибо еще во вторую стадию тагарской эпохи (IV—I вв. до н. э.) возник обычай укладывать в могилу миниатюрные модели вещей. Конечно, многое здесь оставалось совершенно самобытным и многое принимало местные формы, но суть очевидна — и в таштыкских склепах мы находим модели вещей, животных, и, наконец, людей³⁸. Покажем, хотя бы на одном примере, большое сходство ханьских и таштыкских технических приемов изготовления статуй. В ханьском Китае в погребения клались глиняные статуэтки (модели) домашних животных, в Таштыке, как видим, — деревянные, что является местной особенностью. Но единство приемов изготовления и реализм в передаче фигур животных

³⁴ «Советское оленеводство», вып. 9, Л., 1937, стр. 65.

³⁵ Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 435, LVI—6; стр. 437, LV—9; стр. 441, LVI—13; стр. 461, LVI—44; стр. 467, LVI—55; стр. 473, LVI—69 и др.

³⁶ О. Глухарева, Б. Денике, Краткая история искусства Китая, М.—Л., 1948, стр. 20.

³⁷ Ср. деревянную статуэтку оленя из Ноин-улы (С. Trever, Excavations in Northern Mongolia, Leningrad, 1932, табл. 32, рис. 1).

³⁸ В последнем случае мы имеем в виду не только составные статуэтки людей типа уйбатских деревянных фигурок с костяными руками (С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, табл. XXXVIII, рис. 2 и 6), но и другое явление. Еще Адрианов в 1903 г., копая таштыкские грунтовые погребения Оглахтинского могильника, нашел «сшитые из кожи узкие мешки, положенные вдоль рук и ног», а также чучела голов — все это было набито травой. В другой могиле он нашел куртку из замши, также набитую травой (Г. П. Сосновский, О находках Оглахтинского могильника, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8, стр. 34—37). Несомненно, что это своеобразное «подобие тела человека», так сказать, — его модель. Замечательно, что в Сырском склепе, впервые для склепов, найдены обугленные длинные и узкие кожаные мешочки мехом внутрь, набитые травой, свернутой в жгуты. Не приходится сомневаться, что это изображения рук и ног, т. е. то же, что находил Адрианов в Оглахтах. Значит, и в склепах были точно такие же имитации человеческих тел.

одинаковы и там и тут. Возьмем статуи оленей. Ноги у них отъемные; вставлялись они шипами в туловище; уши, хвост, рога — тоже вставные. То же мы видим у глиняных ханьских статуй. Так, например, у статуэтки лошади из погребения эпохи Хань отъемные ноги, вставлявшиеся в тело на шипах, таким же приемом скреплялась голова и шея с грудью, кроме того, имеются отверстия для вставных ушей³⁹. У статуэток быков также вставные ноги, рога и уши⁴⁰. Если учесть, что статуэтки эти во всех частях своих состоят из глины, то такие приемы присоединения глиняных ушей, рогов и ног к глиняному же туловищу по меньшей мере странны и мало удобны. Для деревянных же статуй таштыкской эпохи это закономерно. Возможно, здесь мы видим обратное влияние творческих приемов племен Центральной Азии и Южной Сибири на скульптуру ханьского Китая, среди которой появились также и деревянные статуэтки. Вместе с тем, развивая старые местные традиции, население Хакассии таштыкской эпохи создавало новые формы самобытной аборигенной культуры в самых разнообразных ее проявлениях.

Таким образом, совершенно очевидно, что статуи животных из таштыкских склепов Хакассии специально изготовлялись для погребального обряда, чтобы заменять собой для упокоившейся знати в загробном мире живых, реально существовавших в действительности животных⁴¹. Исходя из этих задач, художники-скульпторы, творцы этих статуй, стремились к жизненной правде, к реалистическому воспроизведению в дереве привычных и хорошо знакомых им объектов. Ввиду того, что в Сырском склепе были погребены, очевидно, представители знати как степняков-скотоводов, так и таежных оленеводов, то для первых вырезались статуи коней, для вторых — оленей.

Мы не ставим себе задачей в настоящей статье поднимать вопрос о происхождении и древности оленеводства вообще, — решать его сейчас было бы преждевременно. Об этом существует большая литература, но до сих пор авторы, исследующие эту проблему, за неимением конкретных фактов, дальше догадок и гипотез не уходят, а вопросы датировки иногда стараются обойти молчанием⁴². Положение ухудшается к тому же тем, что исследования ряда авторов построены на основе учения Н. Я. Марра и опираются на его «анализ». Китайские летописи сообщают об оленеводстве северных народов (например Увань), но эти сообщения восходят только к V—VI вв. н. э.⁴³

Теперь, благодаря открытию таштыкских статуй, становится ясным, что для Саяно-Алтайского нагорья оленеводство в тагарско-таштыкское время является фактом. А начало освоения этого необходимого для горно-таежных охотничьих племен животного, очевидно, относится к более раннему времени, во всяком случае к эпохе бронзы.

³⁹ A. Salmony, *Chinesische Plastik*, Berlin, 1925, стр. 16, рис. 13.

⁴⁰ Там же, стр. 16.

⁴¹ Красной краской, которой окрашены все статуи, очевидно, старались подчеркнуть «жизнеспособность» вырезанных из дерева животных. Известно из многочисленных археолого-этнографических примеров, что красный цвет — цвет жизни в разные времена и у разных народов.

⁴² См. основные работы советских ученых и в них всю литературу вопроса: А. Н. Максимов, *Происхождение оленеводства*, Ученые записки Института истории РАНИОН, т. VI, М., 1928, стр. 3—34; А. М. Золотарев и М. Г. Левин, *К вопросу о древности и происхождении оленеводства*, Сборн. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М.—Л., 1940, стр. 171—189; Г. П. Сосновский, *К истории скотоводства в Сибири*; там же, стр. 135—149. Последней работой является статья «Типы оленеводства и их происхождение», опубликованная в журн. «Советская этнография», № 1, 1951, стр. 63—87.

⁴³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, ч. I, Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 350.